

УДК 821.161.1 БЛОК.06

РОЛЬ БЕЛОГО ЦВЕТА В ЛИРИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ ЦИКЛА

А. БЛОКА «СНЕЖНАЯ МАСКА»

© 2012 О.В. Борзых

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2012

Аннотация: В статье рассматривается мотивный принцип организации сюжета лирического цикла А. Блока «Снежная маска». Рассмотрены основные смыслы, которые несет в себе белый цвет в данном цикле.

Ключевые слова: лирический сюжет, белый цвет, маска, Блок.

Abstract: The article is focused on an organization of a lyrical plot in A. Blok's poetic cycle «Snow mask». There are basic senses produced by white color in the given cycle under consideration.

Key words: lyrical plot, white color, mask, A. Blok.

Цикл «Снежная маска» — одно из самых противоречивых и загадочных произведений А. Блока. В нем лирический герой, пережив утрату идеальной любви, с высоких небес духовного спускается в хаос материального, пытаясь переосмыслить окружающий его мир.

Цикл стихов «Снежная маска» был навеян образом актрисы театра Комиссаржевской Натальи Николаевны Волоховой, с которой Блок познакомился зимой 1906 года. Реальными декорациями, в которых проживался цикл, были зима 1907 года и маскарадные ночи в кругу театральной и литературной богемы Петербурга: актеры и литераторы собирались сначала у кого-то на квартире, потом бродили заснеженными улицами города или мчались на санях на Сестрорецкий вокзал. Стояла необыкновенно снежная мягкая погода, медленно падали большие, легкие хлопья: «Белоснежней не было зим / И перистей тучек...» [1:219].

«Снежная маска», все тридцать составляющих её стихотворений, была написана буквально залпом — за десять дней. Блок разделил цикл на два раздела: «Снега» и «Маски». «Снежная маска» вышла отдельной, изящно оформленной книжкой малого формата. Оформлял издание Лев Бакст, который, пожалуй, лучше всех исследователей уловил суть цикла. На его рисунке — усыпанное ледяными звездами ночное небо, деревья в снегу и зловещая фигура женщины в развевающемся черном платье. Она почти сливается с мраком, она и есть мрак, на ее лице — белая маска, за собой женщина увлекает в ночь мужчину

во фраке — поэта Александра Блока. Книжка открывалась посвящением: «Посвящаю эти стихи ТЕБЕ, высокая женщина в черном с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города».

Сложность и неоднозначность этого цикла определяет его «серединное» положение в литературном наследии Блока. Сам поэт говорил так: «Если рассматривать мое творчество как спираль, то “Двенадцать” будут на верхнем витке, соответствующем нижнему витку, где “Снежная маска”» [10:487]. Обращает на себя внимание то, сколь разных оценок удостоилась «Снежная маска». Так, Вл. Пяст утверждал, что «Снежная маска» и «Песня судьбы» относятся к слабейшим вещам в творчестве Блока. «Будь Блок автором только этих двух книг, то не могло бы быть речи о том исключительном месте в русской поэзии, которое ему присуще» [12:107]. Другие же исследователи, среди них Даниил Андреев, определяют «Снежную маску» как шедевр из шедевров. Такой разброс во мнениях повторится только однажды — по поводу поэмы «Двенадцать». Эти два произведения действительно связаны друг с другом. «Снежная маска» — это корни «Двенадцати», именно в этом цикле Блок впервые «променяет гармонию звука, стиха и мироощущения на ассонансы неведомых ему, но уловимых его чутким поэтическим слухом метаморфоз жизни» [9: 217].

В «Снежной маске» в наиболее обнаженной форме закреплены типические черты тогдашней художественной манеры Блока — метафорический стиль и завораживающая музыкальность стихотворного языка. Не случайно Блок хотел назвать «Снежную маску» лирической поэмой.

© О.В. Борзых, 2012

Но, помимо богатства звукового наполнения, цикл отличается и своей колористикой. Мы попытаемся доказать, что особую роль в построении сюжета цикла «Снежная маска» играет белый цвет.

Как известно, понятие сюжета в лирике очень разноречиво. В книге «Сюжет в художественной системе литературного произведения» Л.С. Левитан и Л.М. Цилевич отмечено, что «определение "лирического сюжета" до сих пор не стало общепринятым. Многие исследователи называют лирику бессюжетным родом литературы» [6:387]. Ю.Н. Чумаков в статье «Лирика и лирический метасюжет» пишет, что «в ушедшем веке сюжетология не раз выходила на первый план, особенно в связи с интересом к нарративу. Сейчас нарратологический бум переместился в Россию, и это значительно расширило количество работ по теории сюжета, мотива и пр.»

[7:3]. Вместе с тем автор статьи отмечает, что «странным образом пропускается категория лирического сюжета» [7:3]. Фактическое отсутствие термина Чумаков объясняет трудноуловимостью лирического сюжета и тем, что «вопрос о лирическом сюжете напрямую попадает в многооттеночную и теоретически неустойчивую ментальную среду, где перекрещиваются концепции родов и жанров, сюжета и композиции, теории события» [7:4]. Между тем, стоит отметить, что, несмотря на сложность вопроса о лирическом сюжете, в русском литературоведении есть целый ряд работ, посвященных этому термину. Так, например, различия ответов на вопрос «Что представляет собой сюжет в лирике?» обстоятельно рассмотрены в труде Н.И. Копыловой «О многозначности термина «сюжет» в современных работах о лирике». Одно из ведущих направлений современного литературоведения – разработка теории мотива, мотивный анализ, связь понятий «мотив» и «сюжет». В области мотива и мотивного анализа основополагающими являются работы таких исследователей, как А.Н. Веселовский, Б.М. Гаспаров, В.И. Тюпа, И.В. Силантьев. Впервые понятие мотива было теоретически обосновано в «Поэтике сюжетов» А.Н. Веселовского. Г.Г. Почепцов в своей работе «История русской семиотики до и после 1917 года» называет основным открытием Веселовского выделение понятий «мотив» и «сюжет»: «Веселовский выделил “простейшую повествовательную единицу” – мотив. Сюжетом же стала тема, ”в которой снуются разные положения-мотивы”. Грамматика же сюжета стала одним из основных течений семиотической мысли в дальнейшем. Достаточно назвать такие имена в русской семиотике, как В.Б. Шкловский, В.Я. Пропп, Б.В. Томашевский» [11: 13]. И.В.Силантьев в работе «Сюжетологические исследования» рассматривает лирический мотив

в стихотворном и прозаическом тексте. «Специфика мотива в лирике во многом обусловлена существом лирического события, которое – и это наш самый важный тезис – по своей природе принципиально отличается от события в составе эпического повествования. Основой лирической событийности выступает, в формулировке Ю.Н. Чумакова, "перемещение лирического сознания", иначе – дискретная динамика состояний лирического субъекта», – пишет И.В. Силантьев [13: 28].

Несмотря на различие подходов к понятию сюжета в лирике, всем исследователям ясно одно: игнорировать сюжетный аспект лирических ситуаций, даже если он предельно редуцирован, при анализе поэтических текстов непродуктивно.

В своей работе мы опираемся на мотивный принцип организации сюжета лирического цикла А. Блока. Сюжет «Снежной маски», по нашему мнению, выстраивается из смыслов, которые рождены мотивом белого цвета. Попытаемся раскрыть основные смыслы, которые несет с собой белый цвет в «Снежной маске»:

1) БЕЛЫЙ – ЦВЕТ ЗИМНЕГО ПЕЙЗАЖА

Первый важный для нас мотив в цикле – это мотив «зимнего пейзажа», на фоне которого разворачивается сюжет. Основным местом действия в цикле «Снежная маска» являются заснеженные дали с белыми сугробами и метелями: «Снежная мгла взвилась. / Легли сугробы кругом» [1:212]. Все события, переживания, чувства героя даются на фоне природы: снеговых полей, белых пристаней, белых гор. При описании природы в данном цикле Блок обращается к изображению в одних случаях отстраненного, спокойно лежащего, белого снега («белоснежней не было зим»), в других поэт создает образ восставшей стихии, мистического пространства: снежного бурана и пурги («белые встали сугробы», «снежных вихрей подъятый молот», «метель взвилась, звезда сорвалась»). Излюбленный Блоком прием – изображение беспокойной природы, природы во власти стихии. В цикле «Снежная маска» белый цвет, цвет снежный, чаще соотносится с темнотой и сумраком. Так, герою туманит взор «сумрак вьюги снеговой». Вьюга названа также «темнокрылой».

Назвать конкретное место действия цикла трудно, оно очень абстрактно, начинается от белой пристани, где стоят корабли, и достигает свода неба и звезд («Чтоб лететь стрелой звенящей / В пропасть черных звезд!»). Но если вспомнить, что стихотворения цикла создавались в Петербурге зимой 1907 года, то сразу же возникает желание связать хронотоп цикла с зимней Россией. «Белый цвет доминирует в зимнем русском пейзаже, а зима и снег метонимически означают

и саму Россию (особенно в клише чужого взгляда)», — отмечает в своей статье «Белый цвет в русской культуре XX века» Н.В. Злыднева [3:425]. На Россию указывают и некоторые детали, как, например, «блистательный бег саней», «летели тройки с гиком». Белый цвет как главная цветовая характеристика снега и метели играет большую роль в лирическом сюжете «Снежной маски».

2) БЕЛЫЙ ЦВЕТ – ЗНАК СТИХИЙНОГО НАЧАЛА В ЧЕЛОВЕКЕ

С одной стороны, белый цвет в цикле является символом темного начала с природной точки зрения: во время вьюги белый снег превращается в темную, устрашающую стихию, т. е. белизна оборачивается тьмой. С другой стороны, inferнальная тема связана в цикле с образом Снежной Девы, темной и таинственной. Если природное в цикле «Снежная маска» представляет предметно-физиологическую линию, то человеческое представляет линию inferнально-интеллектуальную. У Блока «страсть героев органично включена в происходящее в природе, подчеркивается совместный характер движения персонажей, акцентируется их сходство», — замечает З.Г. Минц [9: 105]:

*И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
(«Снежная вязь»)*

*И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись
(«На зов метелей»)*

Образ Снежной Девы имеет много схожих черт со снежной стихией, с метелью: «Сны метели светлоснейной, / Песни вьюги легковейной, / Очи девы чародейной» [1:221]. Этим родством метели и Девы подчеркивается, с одной стороны, стихийная сущность возлюбленной поэта, а с другой, inferнальность и демоничность снежной метели. Как отмечала З.Г. Минц, «черты “снежной маски” заметно деантропоморфизированы, она редко предстает в образе женщины, чаще она слита с окружающей героя природой» [8:109]. Метель — «светлоснейная», снежную деву поэт неоднократно сравнивает со змеей: у нее «тяжелозмейные волосы», на носке ее ботинка — «дремлет тихая змея». С точки зрения христианства змея является воплощением сатаны, дьявола. Змее соответствует ряд предметных символов, среди которых — длинные, гибкие предметы, например волосы. И автор лишь усиливает сходство змеи и Девы указанием на «тяжелозмейные» волосы героини. Интересно, что среди персонажей славян-

ской мифологии есть царица змей, так называемая «змеиная мать» или «белая змея», признаками которой являются корона на голове, драгоценные камни, а также белый цвет [2: 38]. Практически те же признаки указывают на то, что и героиня цикла «Снежная маска» обладает поистине королевской властью: так, у нее на голове «трехвенечная» тиара. В связи с образом змеи в цикле появляется тема телесно-чувственного искушения: Снежная Дева является искусительницей, которая притягивает лирического героя, искушает его своей тайной, выводит его из пространства комнаты в пространство улицы, где бушует вьюга.

Хтоническая символика змеи (связь ее с подземным мраком и миром мертвых) отражена в родстве слов «змея» и «земля» [14:65]. Таким образом, и сама героиня цикла, Снежная Дева, принадлежит «миру дольному», земле. Но ее владычество распространяется и гораздо шире: у нее «крылатые очи», а крылья являются символом полета, движения, одухотворенности, «мира горного» [14: 93]. Стоит отметить, что героиня цикла, а вместе с ней и герой, находятся чаще всего в движении, в состоянии полета. Крылатость — одна из главных характеристик Снежной Девы. В стихотворении «Влюбленность» крылья ее названы «белоснежными», в стихотворении «Тревога» героиня предстает уже в облике «птицы вьюги темнокрылой». Оксюморонное сочетание белого и черного цвета при описании облика героини подчеркивают сложность и внутреннюю противоречивость героини и ее мира.

Героиня «Снежной маски» наделена атрибутами темных сил. В её очах — «снежный мрак»:

*Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне возгла!
(«Прочь!»)*

Следует обратить внимание на головной убор героини — «трехвенечную тиару». Как отмечено в «Словаре символов и знаков», «атрибутом папского сана является тиара — тройная корона, знак высшей земной власти, символ троевластия, поскольку понтифик управлял, согласно различным интерпретациям, тремя сферами мира, тремя континентами либо тремя церквями (страдающей, воинственной и торжествующей)» [14:87]. Таким образом, в представлении поэта героиня цикла обладает поистине неограниченной властью, над небом, землей и подземным миром. Приведенная цитата иллюстрирует оксюморонность как одну из характеристик поэтического мира Блока:

так, мгла из очей героини «светит», а ведь свет и мгла — суть два противоположных начала. В этом же стихотворении поэт восклицает: «Мне — мое открыло сердце / Снежный мрак ее очей!». Эпитет «снежный», как правило, подразумевает белый цвет, а понятие «мрак» ассоциируется с чернотой. Но только не у Блока. Эти два цвета в его лирике могут сочетаться в одном образе. Получается, что у Блока при описании героини и ее мира снимается оппозиция между белым и черным цветом.

В приведенной выше цитате из стихотворения «Прочь!» присутствуют очень важные для понимания сюжета цикла образы-символы: «очи» — как признак души, знак принадлежности миру «горнему», «сердце» — как особое психологическое и физиологическое пространство, «мгла» и «свет» — как обозначение светового контраста, служащего фоном для самых мучительных и трагических трансформаций лирического героя. Эволюция лирического героя, его последовательное движение от мира Прекрасной Дамы к «метельному» миру Снежной Девы — вот что составляет основу сюжета лирического цикла «Снежная маска».

На примере стихотворения «Прочь!» мы видим, что в цикле «Снежная маска» можно выделить ряд ключевых слов-символов, которые принимают участие в образовании лирического сюжета данного цикла: это слова «снег», «огонь», «сердце», «маска».

Так, сердце является особым пространством цикла «Снежная маска»:

«Мне — моё открыло сердце / Снежный мрак ее очей!», «Золотистый уголь в сердце / Мне во жгла!», «И в какой иной обители / Мне влачиться суждено, / Если сердце хочет гибели, / Тайно просится на дно?», «Тайно сердце просит гибели. / Сердце легкое, скользи...». В построении лирического сюжета цикла играет роль мотив «потери» сердца, его «падения вниз»: «Я всех забыл, кого любил, / Я сердце вьюгой закрутил, / Я бросил сердце с белых гор, / Оно лежит на дне!»; «Словно сердце застывающее закатилось навсегда». По мнению З. Минц, «движение вниз — “падение” — не метафора, а символ, то есть его значение является одновременно и как прямое — движение вниз, и как переносное» [8: 131]. В переносном смысле «падение» обозначает «измену» лирического героя миру прошлого, Прекрасной Даме, во имя «нового», «сложного» мира стихий.

3) БЕЛЫЙ — ЦВЕТ СМЕРТИ

Следующим сюжетным мотивом цикла, связанным с белым цветом, является мотив «смерти». Как отмечает Н.В. Злыднева, «белый цвет необычайно значим для русской культуры в целом» [3:425]. В русской культуре белый цвет

связан, прежде всего, с идеей святости и чистоты, так, в белом изображаются ангелы, святые и праведники. Однако белый цвет может получать и противоположное значение. «По своей природе он как бы поглощает, нейтрализует все остальные цвета и соотносится с пустотой, бестелесностью, ледяным молчанием и в конечном итоге — со смертью» [3: 427]. В Китае и в некоторых других странах Азии и Африки белый цвет является цветом траура. Да и в русской традиции есть ситуации, когда белый цвет мог символизировать смерть, «ведь белый цвет в исконном своем значении — цвет снега, символизирующего смерть живой природы, цвет самой смерти» [2: 37]. Так, не случайно славяне наряжали невест в наряд белого цвета, ведь девушка-невеста считалась умершей для своего рода. В свою очередь, в погребальном обряде для неженатых или незамужних присутствовали фрагменты свадебной реальности.

Стремление блоковской героини обмануть и соблазнить героя несет угрозу для героя, в стихотворении «Второе крещение» любовь к ней связана с желанием гибели. В этом стихотворении смерть названа «крещением третьим». Кроме того, мотивы смерти очевидны в последнем стихотворении цикла «Обреченный»: «Завела, сковала взорами / И рукою обняла, / И холодными призорами / Белой смерти предала...»; «Тайно сердце просит гибели. / Сердце легкое, скользи... / Вот меня из жизни вывели / Снежным серебром стези...» [1; 249]. Снеговые заносы в «Снежной маске» наводят на мысль об их связи с потусторонним миром, если вспомнить, что во время масленичных празднеств обязательным пунктом программы был штурм и разбивание снежного городка, так как, по народным поверьям, в снеговых столбах и сугробах веселится нечистая сила: «Белые встали сугробы, / И мраки открылись. / Выплыл серебряный серп».

4) БЕЛЫЙ ЦВЕТ — ЦВЕТ СНЕЖНОЙ МАСКИ

Следующее значение белого цвета связано с названием цикла — «Снежная маска». Образ маски, заявленный в рассматриваемом цикле, является одним из любимых Блоком символов, несущих в себе глубокие смыслы. Маска (накладка на лицо с вырезом для глаз) — интересный предмет с богатой историей. Как писал Вяч. Иванов, «маска является одним из важных элементов культуры всех известных науке обществ и традиций» [4: 333]. Надевание маски, особенно обрядовой, — не безобидная игра, а способ вступления в контакт с потусторонним миром. Маска может изображать «чужое лицо» или представлять «безличность», «безымянность» персонажа. На самой заре нового литературного направления, символизма, один из его родоначальников Эдгар

По в своей ранней предсимволистской прозе использовал образ устрашающей маски в своем рассказе «Маска Красной Смерти». В позднейшем символизме двоящийся мир предстает как собственная маска, как в строке И. Анненского: «Это маска твоя или ты?». Все, что описывает поэт символист, представляется ему происходящим под маской. Об этом говорится и в начале одного из лучших стихотворений «Снежной маски» А. Блока: «А под маской было звездно. / Улыбалась чья-то повесть, / Короталась тихо ночь».

В рассматриваемом нами цикле образ маски очень необычен. Связано это прежде всего с тем, что маска названа «снежной», что указывает на ее цвет, с одной стороны, с другой — на принадлежность миру вью и метелей — снежных стихий.

В начале подцикла «Маски» появляются цвета, новые для цикла («зеленый зайчик в догоревшем хрустале», «И на завесе оконной / Золотится / Луч, протянутый от сердца — / Тонкий цепкий шнур», «Дамы с шлейфами, пажами, / В розовых тенях»). Однако, начиная с середины подцикла «Маски», яркие цвета исчезают, и для героя мир снова окрашивается в привычные тона. В основном цветовой мир «Снежной Маски» сводится к белому, черному и серебряному цветам. Характеризуя цветовую гамму цикла, З.Г. Минц писала: «Оба цвета “метельного мира” (белый и синий, черный) раскрывают свое значение не только в пейзажном ряду <...> Важны и их символические значения: они оба <...> ассоциируются с темами “черной гибели” и “белой смерти”» [9: 136].

Снежная маска манит героя, влечет к себе. Неоднократно автор изображает то, что под маской: «А под маской было звездно», «Под маской — так спокойно расцвели глаза». Особое внимание уделяется глазам: «В тёмной маске / Прорезь / Ярких глаз», «Чей под маской взор туманит / Сумрак вьюги снеговой?». Глаза, как известно, зеркало души, а душа принадлежит небу, «миру горнему». Мы также знаем, что речи маски очень таинственны и непонятны: «Как странны были речи маски! / Понятны ли тебе? — Бог весть!». У маски есть сердце, но оно — темное: «Маска, дай мне чутко слушать / Сердце темное твое, / Возврати мне, маска, душу, / Горе светлое мое!».

Образ маски, как уже было сказано выше, в символистической традиции служит средством передачи мотива двойничества, мотива удвоения мира. Следует отметить, что мотив двойничества раскрывается в «Снежной маске» не так, как это было в «Стихах о Прекрасной Даме». Соловьевские идеи двоемирия, сочетание материального и духовного воплотились в «Стихах о Прекрасной Даме» через сложную систему символов, через многоплановость образа героини. Основа фабулы цикла — «земное» (лирический герой) и

«небесное» (Прекрасная Дама) — противостоят друг другу и в то же время стремятся к единению, «встрече», что знаменует преображение мира, полную гармонию. Лирический герой цикла «Снежная маска» оказывается разъятым между двумя мирами: «миром горним», к которому еще совсем недавно его влекла Прекрасная Дама, и «миром дольным», наполненным стихией хмельной, испепеляющей страсти. «Двоемирие» как особенность мировоззрения поэта, сочетание материального и духовного воплотились в этом цикле через сложную систему слов-символов («змея», «огонь», «лед», «сердце», «маска», «крылья», «полет»). Чувства лирического героя в этом произведении очень противоречивы: от мистического восторга и душевного взлета до ужаса и содрогания перед неизведанным и тайным. Для него в этом мире нет никакой гармонии. Это сильное противопоставление чувств представляет все особенности лирического героя Блока: его погружение в сложный мир страстей, сжигающих душу, мир страданий, стихий, борьбы.

Важным мотивом цикла «Снежная маска» является мотив сокрытия. Под маской для лирического героя цикла «Снежная маска» спрятан целый мир, и этот мир манит героя, он полон загадочных существ и пропитанных романтическим духом персонажей: «рыцарь с темными цепями», «дамы с шлейфами, пажами», «шут в плаще крылатом», «король с зубчатым пляшущим венцом», «улетевший с книжной дверцы Амур». Маска является для лирического героя препятствием, мешающим ему постигнуть тайну мироздания. «Маска — это покров, кажимость, скрывающая некую, не похожую на ее внешнее выражение, сущность», — пишет З. Минц [8:144]. Герой стремится заглянуть за маску, чтобы узнать не ее, а мир, который за ней спрятан. Романтические персонажи «Снежной маски» оказываются в цикле Блока средствами для выражения более глубокого, скрытого за ними смысла. Как известно, лирика второго тома отразила существенные изменения блоковского мировосприятия. Он отходил от мистицизма

Вл. Соловьева, от чаемого идеала мировой гармонии, но не потому, что идеал этот стал несостоятельным для поэта — он навсегда остался для него той «тезой», от которой начинался его путь. Бурлящая событиями жизнь требовала от него поэтического осмысления. Он воспринимает эти события как «стихию», вступающую в конфликт с «несмутимой» Душой Мира, как «антитезу», противостоящую «тезе», и погружается в сложный и противоречивый мир людских страстей, стихий, страданий, борьбы. Цикл «Снежная маска» как часть второго тома, таким образом, отражал эти существенные изменения мироощущения

Блока. Идеал оказывается сведенным с небес на землю, отсюда ощущение двоемирия, разъятости, драматизм.

По завершении нашего исследования мы пришли к выводу, что лирический сюжет «Снежной маски» строится так: в первом разделе цикла — «Снега» — героиня, образ которой сливается с окружающей зимней природой, увлекает героя из замкнутого пространства в мир вьюг и метелей. Герой пытается сопротивляться охватившей его страсти, но искушение оказывается сильнее. Во второй части цикла — «Маски» — герой и героиня находятся в замкнутом игровом, «маскарадном» пространстве, однако она снова «выводит его из комнат» в мир снежной бури. Цикл завершается гибелью героя «на снежном костре» и его растворением в мире Снежной Маски («Я же — легкою рукой / Размету твой легкий пепел / По равнине снеговой»).

В завершающем цикл стихотворении «На снежном костре» все названные «ключевые» слова-символы (огонь, снег, маска, сердце) объединяются в одном утверждении поэта: «В снежной маске, рыцарь милый, / В снежной маске ты гори!». Жертвенная гибель героя связана с образами креста («И взвился костер высокий над распятым на кресте»), распятия, а также огня и костра. Здесь снова возникает оксюморонное сочетание: «В снежной маске ты гори!». Огонь и снег, тепло и холод оказываются слитыми воедино. Мир, в который Снежная Дева увлекает героя, одновременно и темен, и яростен, холоден и сжигающе горяч. Но погружение в мир Снежной Девы не страшит героя. В предпоследнем стихотворении «Сердце предано метели» он говорит, что «сам идет на свой костер». Он «всех забыл, кого любил» — что означает забвение героем мира прошлого, связанного с «голубыми снами» о Прекрасной Даме. Таким образом, заключительный образ цикла — сгорание героя на снежном костре — образ крестной и радостной муки одновременно. Герой «Снежной маски» гибнет, сгорая на «снежном костре», и растворяется в мире зимней природы, мире Снежной Маски.

Движение лирического героя из мира «рыцарей», «царевн», из этого «умирающего рая» в мир стихий, «снежных равнин» совершается во времени и пространстве, что и дает основания говорить о сюжете цикла. Конечной точкой пути лирического героя в этом цикле является «белая пристань», некое пристанище и место последней встречи со Снежной Девой: «Ты услышишь с белой пристани / Отдаленные рога / Ты поймешь растущий издали / Зов закованной в снега».

Мы также пришли к выводу, что белый цвет в цикле «Снежная маска» сам становится смыслом и играет большую роль в построении сюжета цик-

ла. Он утрачивает только цветовое определение. Белый цвет заявлен уже в самом названии цикла «Снежная маска». Он важен при раскрытии образа героини, мотива «зимнего пейзажа», смерти, мотива маскарада. Белый цвет всегда сопутствует поэту. В прошлом он был опознавательным знаком Прекрасной Дамы, признаком ее чистоты и святости, в «Снежной маске» он сопровождает коварную искусительницу, Снежную Деву, он же обозначает и конечную цель пути поэта — «белую пристань». Как бы ни менялись воззрения поэта, его представления о сущности мира, белый цвет остается для него необычайно важным, помогающим раскрыть внутренний мир и собственные переживания.

Мы также отметили оксюморонность как особенность мироощущения Александра Блока. В цикле порой сочетаются несочетаемые понятия: мрак и свет, огонь и снег, темная, inferнальная героиня и белоснежная зимняя природа. Этот цветовой контраст проявляется и в разделении цикла «Снежная маска» на два раздела: «Снега» и «Маски». Снега — это естественное, природное, то, что дорого поэту. А Маска — это ложь, это то, что искажает суть мира, это то, что скрывает зло, коварство за внешним обликом белизны.

«Снежная маска» — произведение, сложно соединившее впечатления от окружающей поэта действительности и раздумья о сущности и смысле бытия. Цикл является по своей сути переходным, он расположен между «Стихами о Прекрасной Даме» и стихотворениями, посвященными России. Он представляет собой особую веху на пути поэта к осознанию богатства русской души, ее стихийности и первоначальности. По замыслу Александра Блока, его поэтическое творчество должно было быть упорядочено в единую книгу — «трилогию вочеловечения»: «от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес к отчаянию, проклятиям, «возмездию» и к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, вглядываться в контуры «добра» и «зла» — ценою утраты части души».

«Снежная маска» является подготовкой к третьему тому, который отразил завершающий, высший этап пройденного поэтом трудного пути. Сквозная в творчестве Блока тема «страшного мира» присутствует и во втором томе. Глубинная суть этой темы для поэта в том, что человек, живущий в «страшном мире», испытывает его тлетворное воздействие, им овладевают стихия, «демонические» настроения, губительные страсти. Однако из мира стихий, «бушующих лиловых миров», как определяет сам Блок период «антитезы», отраженный во втором томе, поэт выходит не

только с утратами. Теперь «за плечами всё «моё» и всё «не моё», равно великое...», — пишет он А. Белому. Это новое мироощущение поэта отразилось и в венчающем второй том цикла с многозначительным названием «Вольные мысли». Именно здесь звучат слова, предвещающие его переход к третьему, завершающему этапу «вочеловечения»: «Всегда хочу смотреть в глаза людские, / И пить вино, и женщин целовать, / И яростью желаний полнить вечер, / Когда жара мечтает днем мечтать / И песни петь! И слушать в мире ветер!».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блок А.А. Собр. соч. : в 8 т. / А.А. Блок. — М.— Л. : Гослитиздат. Ленингр. отд., 1960. — Т. 2. — 466 с.
2. Грушко Е.А. Русские легенды и предания / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. — М. : Эксмо, 2006. — 672 с.
3. Злыднева Н.В. Белый цвет в русской культуре XX века / Н.В. Злыднева // Признаковое пространство культуры. — М. : Индрик, 2002. — С. 424-431.
4. Иванов Вяч. Вс. Маска как элемент культуры / Вяч.Вс.

Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 7 т. — М. : Языки славянских культур, 2007. — Т. 4 — С. 333-344.

5. Копылова Н.И. О многозначности термина «сюжет» в современных работах о лирике / Н.И. Копылова // Сюжет и композиция литературных и фольклорных произведений. — Воронеж, 1982. — С. 107-121.
6. Левитан Л.С. Основы изучения сюжета / Л.С. Левитан, Л.М. Цилевич. — Рига : Звайгзне, 1990. — 185 с.
7. Лирические и эпические сюжеты: сб. науч. тр. — Новосибирск, 2010. — Вып. 9. — 267 с.
8. Минц З.Г. Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. — СПб. : Искусство, 1999. — 727 с.
9. Орлов В.Н. Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая / В.Н. Орлов. — М. : Центрполиграф, 2001. — 618 с.
10. Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке / Н.А. Павлович // Блоковский сборник. — Тарту, 1964. — С. 487.
11. Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года / Г.Г. Почепцов. — М. : Лабиринт, 1998. — 336 с.
12. Пяст Вл. Стихотворения. Воспоминания / Вл. Пяст. — Томск : Водолей, 1997. — 336 с.
13. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования / И.В. Силантьев. — М. : Языки славянских культур, 2009. — 223 с.
14. Словарь символов и знаков / [Авт.-сост. В.В. Адамчик]. — М.; Минск : АСТ, 2006. — 239 с.

Борzych О.В.

*Воронежский государственный университет, филологический факультет, кафедра русской литературы XX-XXI веков — аспирантка
E-mail: www.borzych.olga@yandex.ru*

Borzh O.V.

*Voronezh State University, Philological faculty, Department of Russian literature of the XX-XXI-st centuries — post-graduate student
E-mail: www.borzh.olga@yandex.ru*